

Р о с с і й с к і й
М У З Е У М Ъ.

№ 5.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К ъ Л и ц и н і ю.

(С ъ Л а т и н с к а г о.)

Лициній! зришь ли пы? на быстрой ко-
лесницѣ,
Увѣнчанъ лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалиясь Вешулій молодой,
Въ шолпу народную лепишь по мостовой.
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ усердно спину
клоняишь,
Какъ Ликиноровъ полки народъ несчастной го-
няишь,
Льщевцовъ, Сенапоровъ, прелестницъ длинной
рядъ,
Съ покорностью ему умильный мещушь взглядъ,
Ждушь въ шайномъ шрепешѣ улыбку, глазъ
движенья
Какъ будпо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и сшарцы съ сѣдиной
Стремянся всѣ за нимъ и взоромъ и душой,
И даже слѣдъ колесъ въ грязи напечатлѣнной
Какъ вѣкій памятникъ имъ кажешся священной.
О Ромуловъ народъ! предъ кѣмъ пы палъ
во прахъ?

№ 5.

И

Предъ кѣмъ возчувствовалъ въ душѣ споль
низкой спрахъ?

Квирипы гордые подъ иго преклонились!

Комужь, о Небеса! кому поработились?

Скажу ль, Лицинію! — Опчизнѣ спыдъ моей,
Развращной юноша возсѣлъ въ совѣпъ мужей,
Любимецъ Деспота Сенапомъ слабымъ правипъ,
На Римъ просперь яремъ ошечества безсла-
вицъ!

Вешулій, Римлянъ Царь! . . . О срамъ! о вре-
мена!

Или вселенная на гибель предана?

Но кпо подъ порпикомъ съ руками за
спиною,

Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою,

Поникнувъ головой, нахмурившись идепъ?

Не ошибаюсь я, Философъ по Дамешъ.

Дамешъ! куда, скажи въ одеждѣ споль убогой
Средь Рима пышнаго бредешъ своей дорогой?

— Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,

Среди развраща жить ужь болѣ не хочу;

Япешовыхъ дѣшей пороки, злобу вижу,

Навѣкъ оснавлю Римъ: я людсства ненавижу. —

Лициній, добрый другъ! не лучше ли и
намъ,

Отдавъ поклонъ мечтѣ, Форшунѣ, суешамъ,
Сѣдаго Споика примѣромъ научишься?

Не лучше ль поскорѣй со градомъ разпроспишься,

Гдѣ все на ошкупѣ: законы, правота,

И жены, и мужа, и честь, и красота?

Пускай Глицерія, красавица младая,

Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,

Другихъ неопытныхъ въ любовну ловишь сѣпъ,

Намъ спыдно слабости съ морщинами имѣпъ.

Летипъ опъ старика любовь въ толпѣ ве-
селій! . . .

Пускай безсмыдной Клипъ, Вельможей рабъ
 Корнелій,
 Оспавя ложе сна съ запѣвшимъ пѣшухомъ,
 Опъ знасныхъ къ богачамъ бѣгушь изъ дома
 въ домъ;

Я сердцемъ Римляинъ, кипишь въ груди сво-
 бода,

Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.

Лициній! посѣвшимъ далеко опъ забошь,
 Безумныхъ гордецовъ, обманчивыхъ красопъ,
 Докучныхъ Рипоровъ, Парнасскихъ Героспра-
 шовъ;

Въ деревню пренесемъ опеческихъ пенашовъ.
 Въ пѣвнистой рощицѣ, на берегу морскомъ
 Найши не шрудно намъ красивый, свѣшлый
 домъ,

Гдѣ больше не спрашась народнаго волненья,
 Подъ спароспъ опдохнемъ въ тиши уединенья,
 И шамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламеннымъ возженнымъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіяломъ,
 Свой духъ воспламеню Пешрономъ, Ювеналомъ,
 Въ гремящей саширѣ порокъ изображу,
 И нравы сихъ вѣковъ попомшву обнажу. —

О Римъ! о гордый край развраша, зло-
 дѣянья,

Придешь ужасной день, день мщенья, нака-
 занья;

Предвижу грознаго величія конецъ,
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ!
 Народы дикіе, сыны свирѣпой брани,
 Войны ужасной мечъ пріявъ въ кровавы дани,
 И горы и моря оспавяшь за собой,
 И хлынушь на шебя кипящею рѣкой.
 Изчезнешь Римъ — его покроешь мракъ глу-
 бокой,

И пушникъ обративъ на груди камней око,

Речешъ задумавшись въ мечпаньяхъ углублень:
 „Свободой Римъ возросъ — а рабствомъ погуб-
 лень!“

1. . . 17 — 14.

1.

С Т А Н С Ы.

Можно ль въ жизни молодой
 Сердце мучишь лживой пѣвнью:
 Нѣшь, спишай *между мегтой*,
 Оспальное жь Провидѣнью!

Въ бурю, въ легкоу челоуку,
 Окруженный шучи мглоу,
 Плыль младенецъ по рѣку,
 И несло челоуку волноу!

Буря вкругъ него кипишь —
 Челоуку ужасно колыхаешъ —
 Беззабошно онъ сидишь
 И веслоу своимъ играешъ.

Волны брыжжущъ на челоуку —
 Онъ веселыми глазами
 Смошришь, бросивъ въ нихъ цвѣшоку,
 Какъ цвѣшоку кружишь волнами.

Чолну, ударясь у бреговъ
 Объ ушесы, развалился,
 И на брегъ межу цвѣшоку
 Мореходецъ очушился.

Чолну забышь! . . . А гибель, спрахъ?
 Ихъ невинность и не знаешъ!
 Улыбаясь, на цвѣшахъ
 Мой младенецъ засыпаешъ!